

ГЛАВА 6. НАРУШЕНИЯ ДЫХАНИЯ ВО ВРЕМЯ СНА И БЕРЕМЕННОСТЬ

И.М. Мадаева, Н.В. Протопопова, О.Н. Бердина, Л.И. Колесникова

CHAPTER 6. BREATHING DISORDERS DURING SLEEP AND PREGNANCY

Irina M. Madaeva, Natal'ya V. Protopopova, Olga N. Berdina, Lyubov' I. Kolesnikova

Беременность предъявляет организму женщины большие требования. Чтобы обеспечить жизнедеятельность, рост и развитие плода, в организме матери происходят изменения практически всех органов и систем организма [1–4]. Нормальное течение беременности, состояние плода и новорожденного определяются множеством факторов, однако функциональное состояние респираторной системы является крайне важным и в значительной степени определяющим. Физиологические изменения организма беременной женщины связаны, в первую очередь, с адаптационной перестройкой ее функционирования на каждом гестационном этапе.

Одна из основных адаптационных особенностей при беременности – функциональное состояние дыхательной системы, направленное на обеспечение оптимального газообмена [5]. По мере развития плода потребление кислорода (O_2) увеличивается на 20%, скорость основного метаболизма возрастает на 14%. Данное компенсаторное увеличение связано как с повышенными потребностями плода, плаценты и матки, так и необходимостью дополнительного питания миокарда, почек и дыхательных мышц беременной женщины. Вызванное беременностью снижение функциональной остаточной емкости (ФОЕ) в сочетании с увеличением потребления кислорода снижает кислородный запас матери [6–7]. Градиентный дисбаланс O_2 и углекислого газа (CO_2) к кислородному шунту для плода приводит к повышенному выведению CO_2 , что, в свою очередь, вызывает гипоксемию и снижение легочного резерва O_2 беременной [8]. Организм компенсирует повышенное потребление O_2 увеличением минутного объема дыхания (МОД) до 40–50%. Чаще всего это достигается за счет увеличения дыхательного объема [9], в меньшей степени – за счет возрастания частоты дыхания. Таким образом, возникающие изменения являются физиологическим ответом организма беременной. Однако механизмы, способствующие адаптации органов и систем во время беременности, зависят от функционирования организма в континууме «сон – бодрствование».

Сон и беременность

Сон издавна привлекал внимание поэтов, мыслителей и ученых, которым это состояние пред-

ставлялось загадочным, окутанным флером таинственности. Еще *Аристотель* и *Гиппократ* пытались объяснить физиологические и психологические основы сна и сновидений. Первоначально данный процесс рассматривался как пассивное, однотипное состояние, промежуточное между бодрствованием и смертью. С развитием медицины представления менялись. Сон – это жизненно необходимый, периодический функциональный процесс, занимающий треть жизни человека и требующий комплексного разностороннего подхода к изучению [10–16]. Полноценность сна определяет общий уровень здоровья и качества жизни, измеряемые в показателях социального, психического, эмоционального и физического благополучия [17]. Данный процесс характеризуется цикличностью, периодичностью, существенным ограничением двигательной активности, снижением тонуса мышц опорно-двигательного аппарата и реакции на стимулы [18].

Наиболее полным и объективным, обоснованным с позиции современной сомнологии представляется определение проф. *В.М. Ковальсона*, согласно которому сон – это особое генетически детерминированное состояние организма человека, характеризующееся закономерной последовательной сменой определенных полиграфических картин виде циклов, фаз и стадий [17, 18]. Каждый человек проходит ежедневно ряд состояний: напряженное бодрствование, дремота, неглубокий медленный сон, глубокий медленный сон, быстрый сон. Все они имеют различные психовегетативные моторно-физиологические и поведенческие характеристики, что позволяет выделить и обозначить их как закономерно существующие функциональные состояния мозга и организма в целом [19]. Открытие *E. Aserinsky* и *N. Kleitman* в 1953 г. фазы «быстрого» («парадоксального») сна, во время которого были обнаружены быстрые движения глазных яблок при закрытых веках и общей полной мышечной релаксации, послужило основанием для современных исследований физиологии сна. Оказалось, что сон представляет собой совокупность 2 чередующихся фаз: медленного, или «ортодоксального», сна (ФМС) и быстрого, или «парадоксального», сна (ФБС). Названия обусловлены характерными особенностями

электроэнцефалографии (ЭЭГ): во время ФМС регистрируются преимущественно медленные волны, а во время ФБС — быстрый β -ритм, характерный для бодрствования (отсюда «парадоксальный») [20].

В соответствии с принятой международной классификацией выделяют следующие стадии ночного сна:

- I стадия — дремота, процесс погружения в сон, во время которой на ЭЭГ постепенно исчезает α -ритм расслабленного бодрствования и одновременно возникают медленные движения глазных яблок.
- II стадия характеризуется появлением на ЭЭГ разрядов σ -ритма, или «сонных веретен» (12–18 в секунду), и вертекс-потенциалов, 2-фазовых волн с амплитудой ~ 200 мкВ на общем фоне электрической активности с амплитудой 50–75 мкВ, а также К-комплексов (вертекс-потенциал с последующим т. н. сонным веретеном); движения глаз не наблюдаются.
- III стадия (часто обозначаемая как δ -сон) — последовательно более глубокая, характеризуется появлением высокоамплитудных медленных волн на ЭЭГ в диапазоне δ -ритма (0,5–4,0 в секунду) с амплитудой > 75 мкВ, отсутствуют движения глаз.

Вместе I–III стадии составляют фазу медленноволнового сна, которая сменяется ФБС. В норме ночной сон человека включает последовательную смену ФМС и ФБС, что в целом составляет завершённый цикл. Обычно ночной сон состоит из 4–6 завершённых циклов, каждый из которых начинается с первых стадий «медленного» сна и завершается «быстрым» сном. Длительность цикла у здорового человека относительно стабильна и составляет 90–100 мин [22].

С наступлением беременности у большинства женщин сон меняется, появляются жалобы на отсутствие чувства отдыха, боли в спине и судороги икроножных мышц [22, 23]. Боль в спине и судороги испытывают $> 50\%$ беременных, причем $\sim 1/3$ женщин — в ночное время, что отрицательно сказывается на качестве сна [24]. На нарушение дыхания во время сна жалуются от 11,5 до 85% беременных [25].

Гормональные, поведенческие, физиологические изменения, происходящие в организме беременной, влияют на качество ночного сна [26]. Сокращаются его продолжительность и эффективность, несмотря на то, что общее время, проводимое в постели, увеличивается. Это связано с более частыми, чем до беременности, ночными пробуждениями (время засыпания может не изменяться) [27]. Кроме того, в процентном соотношении удлиняется I стадия (дремоты) и сокращается стадия сна со сновидениями [28]. Предшествующие исследования беременных с преэклампсией показали, что у большинства пациенток отмечается снижение качества сна в связи с изменением привычного положения тела, ростом числа ночных пробуждений и появлением синдрома

периодического движения конечностей во сне [29–31]. С увеличением срока беременности изменяется общее время сна, оно незначительно увеличивается в I триместре, после чего прогрессивно уменьшается к III триместру беременности [32–34].

Гормональные изменения, происходящие при беременности, также заметно влияют на изменение дыхательной функции как в период бодрствования, так и во время сна. Уровень содержания эстрогенов и прогестерона практически выравниваются в течение беременности. Эти гормоны служат прежде всего для поддержания беременности, однако имеются и другие физиологические изменения, вызываемые этими гормонами. Так, повышенная концентрация прогестерона повышает чувствительность дыхательного центра к CO_2 и, кроме того, приводит к бронходилатации. Прогестерон действует как триггер первичного дыхательного центра, повышая чувствительность дыхательного центра к CO_2 в ответ на колебания содержания этого газа в альвеолах [35]. С другой стороны, снижается парциальное давление CO_2 в артериальной крови и связанный с ним дыхательный алкалоз — при среднем значении артериального pH 7,44 (по сравнению с 7,40 при отсутствии беременности). Еще в конце XX в. было доказано, что гипокапния и дыхательный алкалоз приводят к развитию нарушений дыхания во время сна, а само нарушение дыхания вызывает дыхательный алкалоз — образуется порочный круг.

Гормональная перестройка является одним из факторов, приводящих к нарушению дыхания во время сна. Она опосредует гиперемию и отек слизистых оболочек, вызывая заложенность носа [36], а из-за повышающегося уровня эстрогена происходит отек слизистой верхних дыхательных путей, что ведет к возникновению храпа. До 30% женщин в III триместре беременности жалуются на заложенность носа и увеличение миндалин ротоглотки [37]. Факт затрудненного носового дыхания во время беременности классифицируется как ринит беременных. По данным *О.В. Лавровой и др.*, $\sim 52\%$ беременных страдают ринитами, возникшими во время беременности и значимо ухудшающими качество жизни [38].

Таким образом, физиологическое изменение внутрибрюшных органов и диафрагмы вследствие увеличения матки с соответствующим повышением внутрибрюшного давления, нарушенное носовое дыхание вследствие ринитов беременных, заложенность носа, появление храпа, связанного с определенным положением тела беременной во время сна, являются основными триггерными механизмами в формировании одного из самых «ярких» нарушений — синдрома обструктивного апноэ сна (СОАС) [39, 40]. СОАС характеризуется определенным симптомокомплексом в виде храпа, остановок дыхания во время сна, повышенной дневной сонливостью [41, 42]. С изменением центральной регуляции дыхания во сне увеличивается диафрагмальное усилие, что ведет к повышению нега-

тивного инспираторного давления на уровне верхних дыхательных путей [43].

Следует отметить, что положение тела во время сна значительно влияет на гемодинамику беременной женщины, а поза лежа на спине, по мнению ряда авторов, связана с неблагоприятными исходами беременности, вплоть до мертворождения [44, 45]. Однако полученные *G.L. Dunietz et al.* результаты показали: в III триместре беременности женщины проводили в положении на спине ~ 1/2 времени ночного сна, что было связано с большим количеством респираторных нарушений и случаев десатурации кислорода, при этом не обнаружена связь между сном в такой позе и перинатальными исходами [46]. Что касается гемодинамики беременной, то для положения на спине во время сна характерны снижение сердечного выброса, кровотока в нижних конечностях и усиление гипотензии. Эти наблюдения в значительной степени вторичны по отношению к аортокавальной компрессии увеличивающейся маткой и, следовательно, наиболее выражены на поздних сроках беременности [47].

Недавние исследования показали значительную связь между СОАС и неблагоприятными исходами, связанными с беременностью, и были продемонстрированы в проспективных [48, 49] и популяционных исследованиях [52, 53] в Азии, Северной Америке и Австралии. Достаточно часто встречаются данные об ассоциации СОАС с гестационным диабетом [54–56].

Однако при проведении полисомнографии (ПСГ) беременных женщин с нормально протекающей беременностью не удалось объективизировать клинические признаки СОАС [57]. По-видимому, это связано с тем, что во время беременности продукция прогестерона значительно повышается. Как известно, прогестерон улучшает альвеолярную вентиляцию, не увеличивая частоту дыхания. Его уровень на 36-й нед. беременности в 10 раз выше, чем на пике менструального цикла [58].

При наличии экстрагенитальной патологии, в частности артериальной гипертензии (АГ), некоторые авторы указывают на наличие СОАС у данной группы беременных [59]. *K. Champagne et al.* считают, что СОАС является фактором риска в развитии гестационной АГ [60]. Ряд исследователей также указывают на взаимосвязь СОАС с АГ у беременных [61], при том что частота развития СОАС у беременных с АГ достигает 45%.

Среди беременных женщин, страдающих ожирением, СОАС наблюдается у 15–20%. Распространенность последнего зависит и от массы тела, и от наличия коморбидного фона. Увеличение веса во время беременности, как и ожирение до нее, являются факторами риска, повышающие вероятность нарушения дыхания во сне, однако риск формирования или ухудшения СОАС может быть вызван и определенными физиологическими изменениями в период беременности [62].

Проходимость верхних дыхательных путей является важным критерием нарушений дыхания во сне и определяет степень их тяжести. Уменьшение размеров глотки во время беременности было продемонстрировано с использованием шкалы Маллампати (*Mallampati*) [63, 64]. Также бывает затруднена и проходимость носовых ходов: 42% женщин при беременности 36 нед. сообщали о затруднении носового дыхания или рините [65]. Эти симптомы могут быть связаны с ростом содержания прогестерона и эстрогенов при увеличении срока беременности. Кроме того, увеличение объема циркулирующей крови, связанное с беременностью, может способствовать скоплению носового секрета.

Таким образом, многие физиологические изменения, происходящие во время беременности, могут предрасполагать к развитию и/или усилению существующих ранее нарушений дыхания во сне. Физиологические механизмы при нормально протекающей беременности защищают плод от потенциальной гипоксемии. Однако у беременных с сопутствующими заболеваниями легких (особенно бронхиальной астмой), сердечно-сосудистой системы, ожирением или диабетом, когда уровень прогестерона не является защитой, гипоксемия не является редкостью [66]. В этом случае даже небольшое снижение оксигенации у матери может привести к гипоксии плода.

C. Guilleminault et al. изучали взаимосвязь между факторами риска развития преэклампсии и СОАС [67]. В связи с этим авторы предложили в лечение преэклампсии дополнительно использовать метод положительного давления воздуха в верхних дыхательных путях – CPAP-терапию. Авторы считают, что при ее раннем применении улучшается дыхание беременной во время ночного сна и, возможно, снижается риск развития осложнений беременности, связанных с преэклампсией. CPAP-терапия как один из видов неинвазивной вентиляции положительным давлением во время сна применялся у беременных с АГ в дополнение к базисной антигипертензивной терапии. В группе беременных, не получавших CPAP-терапию ($n = 9$), прогрессировало повышение артериального давления (АД), что требовало повышения доз гипотензивных препаратов. Преэклампсия диагностировалась у 1 беременной, у 8 женщин не было осложнений беременности, и они родоразрешились в срок. В группе беременных, проходивших лечение ($n = 7$), цифры АД были значительно ниже по сравнению с женщинами, не получавшими CPAP-терапии, и соответственно удалось снизить дозировку гипотензивных препаратов. Все беременные, получавшие CPAP-терапию, родоразрешились в срок; у их детей оценки по шкале Апгар были выше, чем в контрольной группе. Существует мнение, что раннее применение CPAP-терапии у беременных женщин с АГ и хроническим храпом позволяет стабилизировать АД и улучшить исходы беременности [68]. Однако недавняя работа, опубликованная в авторитетном научном журнале *Sleep and Breathing*,

свидетельствует, что СРАР-терапия может модулировать повышенный риск гипертонических осложнений при беременности, осложненной СОАС [69]. Таким образом, данный метод, распространенный в терапии СОАС, не всегда применим беременными, хотя при использовании ограниченное время (II–III триместры) может быть средством выбора для коррекции ночной гипоксии матери и/или, вследствие этого, устранения хронической внутриутробной гипоксии плода.

По результатам многочисленных исследований, здоровье новорожденного в значительной степени определяется течением антенатального периода. Патология плода, возникшая в период онтогенеза, нередко усугубляется в процессе родов и может привести к нарушению развития как в неонатальном, так и в последующих периодах жизни ребенка. Антенатальная охрана плода является одним из важнейших разделов здравоохранения. Она охватывает период органогенеза и функционального формирования систем плода, определяющих развитие человека в течение всей его жизни. Поиску прогностически значимых критериев диагностики состояния плода уделяется огромное внимание [70–73]. Здоровье беременной женщины в значительной степени зависит от наличия или отсутствия экстрагенитальной патологии. От правильной тактики ведения беременных с тяжелой экстрагенитальной патологией зависит исход беременности и родов как для матери, так и для плода. Высокая частота осложнений беременности и исходов родов требует поиска новых путей в ранней диагностике и профилактике акушерских осложнений. Мультидисциплинарность подхода новой дисциплины – медицины сна – дает возможность по-иному взглянуть на некоторые патогенетические звенья, что позволит на ранних этапах проводить профилактику соответствующих патологических состояний не только матери, но и плода.

В Иркутском сомнологическом центре ФБГНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека» совместно с Областным перинатальным центром было проведено исследование, призванное определить роль нарушений дыхания во время сна в формировании осложнений беременности, родов и процессов адаптации новорожденных. Диагностика нарушений сна строится на обнаружении характерных клинических проявлений (посредством специализированных опросников, анкетирования), подкрепленных данными объективного исследования во время ночного сна – ПСГ, «золотого стандарта» в сомнологии.

По данным Международной классификации расстройств сна (2014), сочетание нескольких клинических проявлений является основанием для настороженности по поводу наличия нарушений сна и дальнейшего проведения углубленной ПСГ для подтверждения диагноза. Широкое распространение для субъективной оценки сна во время беременности получило анкетирование посредством Питт-

сбургского опросника качества сна, Берлинского опросника и Эпвортской шкалы сонливости [74–77]. При анкетировании 400 беременных на различных сроках гестации по Питтсбургскому опроснику качества сна было выявлено, что 78% всех опрошенных беременных указали на снижение качества сна и наличие различных его нарушений, и лишь 22% женщин не имели проблем со сном [75] (рис. 1). Для скрининга нарушений дыхания во время сна активно используется Берлинский опросник, который имеет доказанную специфичность 86% и чувствительность 77% [78–81]. О высоком риске СОАС свидетельствуют положительные результаты в 2 или 3 его разделах. Так, из 312 беременных с нарушениями сна 158 предъявляли жалобы, характерные для СОАС. ПСГ как основной объективный метод исследования сна распространена не столь широко. Встречаются единичные исследования, в которых с высокой степенью достоверности доказана взаимосвязь СОАС с осложнениями во время беременности и исходами родов [82, 83].

В Иркутском сомнологическом центре ПСГ-мониторинг проводился в специально оборудованной комнате, максимально приближенной к домашним условиям, с использованием системы *Grass-Telefactor Twin PSG (Grass Technologies, США)* с усилителем *As 40* и интегрированным модулем для сна *SPM-1 (Grass Technologies, США)*. Исследование проводил специально обученный персонал в течение 7–8 ч ночного сна при условии обязательного присутствия акушера-гинеколога. ПСГ включала регистрацию ЭЭГ (в центральной и окципитальной локации), электроокулограммы правого и левого глаза, подбородочной миограммы, электрокардиограммы в 1-м стандартном отведении, пульсоксиметрии, грудного и брюшного мышечных усилий, ороназального воздушного потока, храпа [84]. Анализ

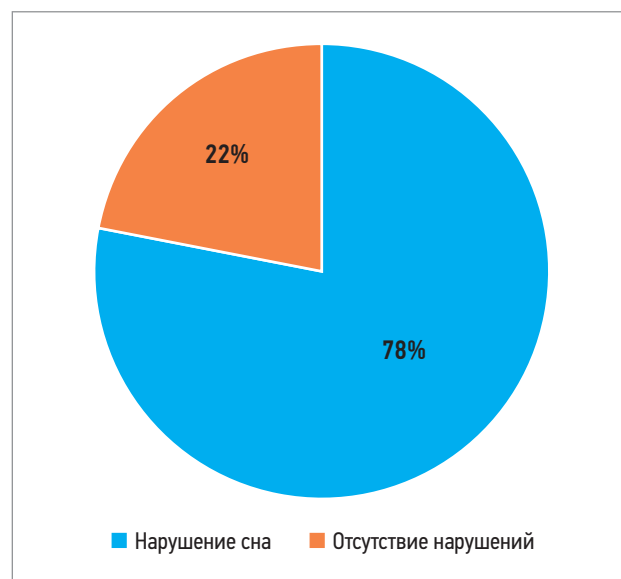

Рис. 1. Результаты анкетирования качества сна 400 беременных в различные сроки гестации

полученной информации выполняли по принятым стандартным критериям. Для оценки нарушений дыхания во время сна использовали индекс апноэ-гипопноэ (ИАГ) – количество полных остановок и/или снижение дыхательного потока на 50%, длительностью ≥ 10 с за час сна [21].

Результаты ПСГ (табл. 1) показали, что нарушения сна представлены тремя основными патологическими состояниями: инсомнией (66,5%), синдромом беспокойных ног (42%) и СОАС (39,5%). Таким образом, в нашем исследовании клинические проявления СОАС имели место у каждой третьей беременной. При сроке беременности 36 нед. 42% женщин сообщали о затруднении носового дыхания или рините. Рост содержания циркулирующих эстрогенов, сопровождаемый ринитом, наблюдается в течение как лютеиновой фазы менструального цикла, так и беременности. Кроме того, увеличение объема циркулирующей крови, связанное с беременностью, может способствовать скоплению носового секрета [86].

При анализе полученных данных особое внимание обращали на наиболее информативные показатели: продолжительность поверхностного (I–II стадии), медленного, или глубокого, сна (III стадия) и ФБС. Оценивали ЭЭГ (индекс реакций ЭЭГ-активаций) и респираторную активность, наличие храпа и его интенсивность (индекс храпа), а также насыщение артериальной крови кислородом (SaO_2) во время

ночного сна. При сравнительном анализе структуры сна были установлены значительные изменения по сравнению с группой контроля, представленные на гипнограмме беременной с СОАС (рис. 2). Паттерн дыхания характеризовался высоким ИАГ, что сопровождалось снижением SaO_2 . Таким образом, проведенное ПСГ-исследование подтвердило наличие СОАС, клинические проявления которого были оценены при анкетировании [87].

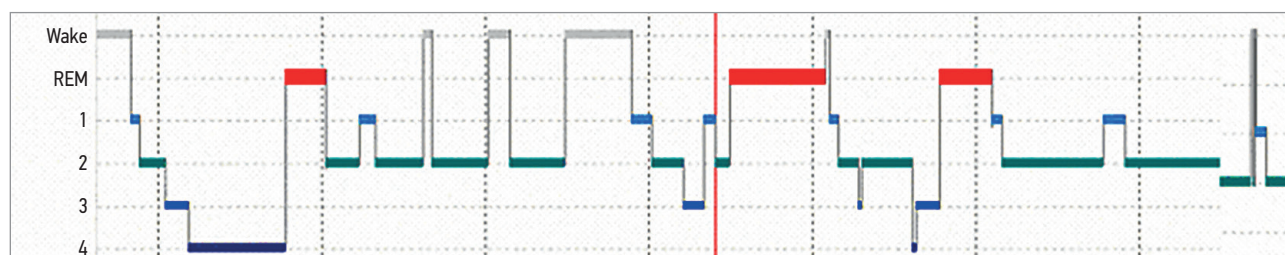
Наиболее грозными осложнениями течения беременности являются преэклампсия, невынашивание, синдром задержки развития плода (СЗРП), хроническая внутриутробная гипоксия плода. Наши данные свидетельствуют, что преэклампсия значительно чаще развивается у беременных с сочетанием СОАС и АГ с ожирением. Так, при подтвержденном СОАС и коморбидном фоне в виде АГ и ожирения преэклампсия возникла у 38,6% женщин (61 из 158 беременных с СОАС). Преэклампсия легкой степени осложняла течение беременности в группе женщин с СОАС в 2,6 раза чаще (29,7%).

Одной из важнейших характеристик механических свойств системы дыхания является растяжимость системы «легкие – грудная клетка» (РЛК), на которую главным образом влияют при беременности гипергидратация, полнокровие легких и рост внутрибрюшного давления. РЛК и ее изменения свидетельствуют о значительном увеличении жесткости легких даже при неосложненном течении

Таблица 1. Структура и основные характеристики ночного сна по данным полисомнографии; Me (25%; 75%); min–max

Показатели	Беременные с клиническими признаками СОАС (n = 49)	Беременные без СОАС (n = 16)
Стадии I–II МВС, мин	227,5 (205; 267)*; 180–306	145,4 (141; 153); 138–156
Стадия III МВС, мин	73,5 (68,5; 82)*; 59,5–97,0	114 (105; 121); 99–130
ФБС, мин	57 (55; 60)*; 50,5–80,5	137,2 (126; 144); 121–150
Латенция ко сну, мин	8,5 (5,9; 10,2)*; 5,0–14,5	15,9 (14; 18,5); 13,2–20,5
WASO, мин	13,7 (11; 15,2)*; 7,2–20,4	5,2 (1,9; 8,5); 0,5–10,5
Реакции ЭЭГ-активаций, соб./ч	45 (37,2; 51)*; 30–72	21,1 (19,3; 23); 18,0–25,2
ИАГ, соб./ч	18 (12,8; 24)*; 9,9–30,0	1,8 (1,2; 2,3); 0,9–2,7
Индекс храпа, соб./ч	65 (41; 87,9)*; 38–112	33 (31,2; 37); 30–38
SaO_2 , %	89 (87; 92)*; 85–93	96,4 (95,4; 97,3); 94,0–98,2

Примечание: * – $p < 0,05$; СОАС – синдром обструктивного апноэ сна; МВС – медленноволновой сон; ФБС – фаза быстрого сна; WASO – общее время бодрствования в течение ночи после пробуждений; ЭЭГ – электроэнцефалограмма; ИАГ – индекс апноэ-гипопноэ; SaO_2 – насыщение гемоглобина артериальной крови кислородом; Me – медиана.

Рис. 2. Пример гипнограммы беременной женщины с избыточной фрагментацией и грубым нарушением структуры сна

беременности, а при развитии преэклампсии жесткость легких становится еще более выраженной [88]. Проведенные исследования показали, что у беременных даже с легкой формой преэклампсии наблюдается нарушение вентиляции по обструктивному типу [89]. Можно предположить, что у беременных с АГ и ожирением имеются предпосылки для развития интерстициального отека легких при присоединении преэклампсии, что и вызывает преждевременное экспираторное закрытие дыхательных путей и сопровождается храпом во время сна. Выявленные у беременных с преэклампсией нарушения выдоха по обструктивному типу подтверждают существование интерстициального отека легких и отека слизистой бронхов [7]. Известно, что преэклампсия влияет и на проходимость дыхательных путей, затрудняет носовое дыхание вследствие отека и набухания слизистой верхних дыхательных путей, которые увеличиваются в зависимости от тяжести преэклампсии. Так, в нашем исследовании заложенность носа, затрудненность дыхания носом отметили у себя 26 беременных (45,6%) с преэклампсией легкой степени и 16 (100%) – с преэклампсией средней степени тяжести. Таким образом, при преэклампсии наличие признаков СОАС могут свидетельствовать о тяжести течения преэклампсии [90].

Состояние плода при беременности с СОАС

Одновременно с ПСГ проводилась кардиотокография (КТГ) плода в течение 3–4 ч сна матери с использованием кардиотокографа *Fetal Monitor AM66* (Германия). Современные кардиомониторы основаны на принципе Допплера, позволяющем регистрировать изменение интервалов между отдельными циклами сердечной деятельности плода, которые преобразуются в изменения частоты сердечных сокращений (ЧСС) и отображаются графически. Оценивали базальную частоту ритма, амплитуду и частоту осцилляций, наличие и амплитуду акселераций, двигательную активность плода. Результаты КТГ представлены в табл. 2 [91].

При оценке КТГ во время ночного сна матери были учтены все стандартные данные: базальный ритм, вариабельность, наличие акселераций и любых децелераций. Сравнительный анализ полученных результатов КТГ плода в 34–38 нед. у беременных

во время ночного сна показал, что средние значения базального ритма были статистически выше при СОАС, чем в группе без нарушений дыхания во время ночного сна. Также статистически достоверно отличаются показатели амплитуды осцилляций, частота осцилляций и количество шевелений за 30 мин. Отмечена реакция со стороны плода на эпизоды апноэ и гипопноэ матери в виде активного шевеления, а также изменение ЧСС в виде брадикардии (до 105–110 уд./мин) или тахикардии (до 155–160 уд./мин) относительно базального ритма (140 уд./мин).

Представлен клинический случай, где был установлен факт учащения ЧСС плода в ответ на каждый эпизод апноэ и гипопноэ беременной (рис. 2) максимално до 165 уд./мин (рис. 3), который сопровождался снижением SaO_2 до 86%, у пациентки с СОАС (ИАГ – 27 соб./ч) в сроке 34 нед. гестации.

Особенности течения родов у беременных с СОАС в сочетании с артериальной гипертензией и ожирением

Роды являются завершающим этапом беременности. От правильности их ведения во многом зависит исход для матери и плода. Так, в группе беременных с СОАС в сочетании с АГ и ожирением процент преждевременных родов оказался в 2 раза выше и составил 27,2 vs 10,3% в группе беременных без СОАС, но с АГ и ожирением. Данный факт, вероятно, связан с наличием плацентарной недостаточности и хронической внутриутробной гипоксии, связанной с АГ и СОАС. Состояние новорожденных оценивалось по шкале Апгар. В асфиксии родились 6 детей (3,8%) у матерей с АГ, ожирением и СОАС. Так, оценка 7 баллов на 1-й мин жизни встречалась в 2 раза чаще в группе родившихся у матерей с СОАС. Следует отметить, что у беременных без СОАС не было детей, рожденных с оценкой 4–6 баллов по шкале Апгар, в отличие от группы с СОАС, где эти дети были рождены в асфиксии. Также в 1-й группе (без СОАС) было статистически больше новорожденных с оценкой 9 баллов по шкале Апгар (39,77%) по сравнению с группой с СОАС (25,48%; $p < 0,05$).

Известно, что дизадаптация материнской системной и маточной гемодинамики у беременных женщин с АГ способствует развитию хронической внутриутробной гипоксии плода, хронической

Таблица 2. Результаты кардиотокографии у беременных с синдромом обструктивного апноэ сна в сравнении с группой контроля, $M \pm SD$

Показатели	Беременные с СОАС ($n = 49$)	Беременные без СОАС ($n = 16$)
БЧСС	154,20 ± 1,27*	143,61 ± 1,11
АМо, мин	6,91 ± 0,51*	9,24 ± 0,44
Частота осцилляций	7,10 ± 0,11*	8,13 ± 0,35
Количество акселераций за 30 мин	6,12 ± 0,32	6,72 ± 0,44
Количество децелераций за 30 мин	0,22 ± 0,01	0,12 ± 0,01
Количество шевелений за 30 мин	14,6 ± 1,3*	11,8 ± 1,1

Примечание: * – $p < 0,05$; СОАС – синдром обструктивного апноэ сна; БЧСС – базальная частота сердечных сокращений; АМо – амплитуда моды.

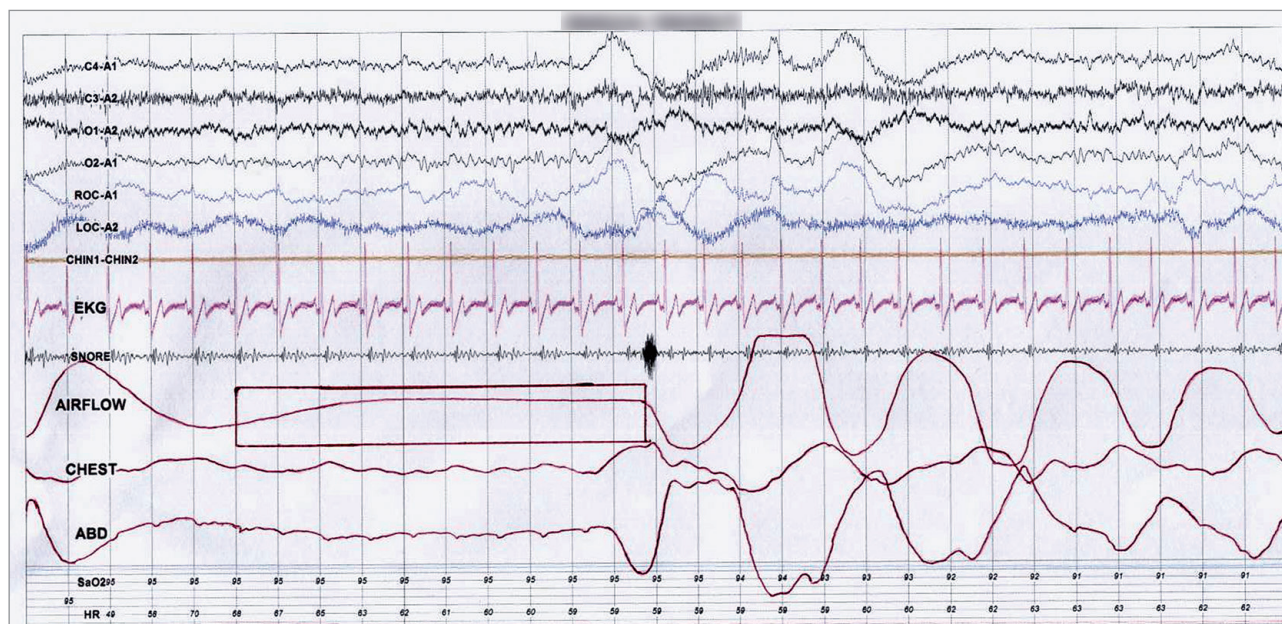

Рис. 3. Фрагмент гипнограммы беременной женщины в III триместре; эпизод остановки дыхания во время сна – апноэ

Таблица 3. Оценка новорожденных по шкале Апгар на 1-й минуте после рождения у пациенток в сравниваемых группах

Баллы	1-я группа – беременные с АГ, ожирением, без СОАС (n = 88)		2-я группа – беременные с АГ, ожирением и СОАС (n = 158)		t-критерий, p < 0,05
	абс.	%	абс.	%	
4	0	0	2	1,27	
5	0	0	2	1,27	
6	0	0	2	1,27	
7	8	9,09	39	24,20**	t ₁₋₂ = 4,4722
8	45	51,14*	73	46,50	t ₁₋₂ = 2,5134
9	35	39,77*	40	25,48	t ₁₋₂ = 3,0366

Примечание: t₁₋₂ – достоверность различий между показателями 1-й и 2-й групп; * – различия статистически значимы по величине χ^2 (p < 0,05), ** – различия статистически значимы по критерию Макнемара (p < 0,05).

Таблица 4. Синдром задержки развития плода в сравниваемых группах

СЗРП	1-я группа, беременные с АГ, ожирением, без СОАС (n = 88)		2-я группа, беременные с АГ, ожирением и СОАС (n = 158)	
	абс.	%	абс.	%
I степень	2	2,27	21	13,3*
II степень	0	0	4	2,55
Нет	86	97,73	133	84,15

Примечание: СЗРП – синдром задержки развития плода; * – различия статистически значимы по критерию Макнемара (p < 0,05).

плацентарной недостаточности и СЗРП. Задержка внутриутробного развития плода чаще выявлялась у новорожденных, матери которых имели СОАС.

Наличие коморбидного фона в виде АГ I степени и ожирения предрасполагает к формированию плацентарной недостаточности и СЗРП. Исследования показали, что СЗРП достоверно чаще диагностировался у беременных с СОАС. Можно предположить, что СОАС у беременных с АГ и ожирением нарушает адаптационные процессы, которые обеспечивают

перестройку гомеостатических систем в соответствии с изменяющимися условиями окружающей среды.

Характеристика новорожденных, родившихся у матерей с СОАС

Развитие плода в условиях хронической плацентарной недостаточности, хронической гипоксии плода предрасполагает к нарушениям его адаптационных возможностей, в т. ч. при переходе к внеутробной жизни. Вследствие этого дети, рожденные

Таблица 5. Антропометрические показатели доношенных новорожденных у матерей в сравниваемых группах

Показатели	1-я группа – беременные с АГ, ожирением, без СОАС (n = 52)	2-я группа – беременные с АГ, ожирением и СОАС (n = 54)
Масса тела, г	3 618,41 ± 184,40	2 942,0 ± 187,6*
Рост, см	51,00 ± 0,53	49,60 ± 0,64

Примечание: * – $p < 0,05$

от матерей с осложненным течением беременности, в раннем неонатальном периоде уязвимы в отношении различных нарушений развития. Как видно из табл. 5, наиболее низкие средние показатели массы тела диагностированы у детей, родившихся от матерей с СОАС. Наши исследования показали, что у новорожденных, матери которых имели АГ, СОАС и ожирение, ранний неонатальный период характеризуется напряженностью процессов ранней неонатальной адаптации и нестабильностью показателей АД.

Заключение

Известно, что интермиттирующая ночная гипоксия является одним из основных патофизиологических механизмов при СОАС [92]. Данный фактор приобретает особую значимость во время беременности. Со снижением жизненного объема легких в III триместре у матери уменьшается и оксигенация, составляя увеличенный артериальный / кислородный градиент. При вступлении в беременность с сопутствующим ожирением и нарушением дыхания во время сна следует ожидать развития и/или ухудшения течения СОАС [93]. При ПСГ беременных в III триместре с избыточной массой тела и жалобами на храп до беременности выявлены значимо высокие значения ИАГ, сопровождаемые десатурацией, изменением структуры сна и увеличением реакций ЭЭГ-активаций [94]. Такие результаты вполне согласуются с данными, представленными рядом авторов [85, 95–98]. Следует заметить, что в проведенном *C. Garbazza et al.* метаанализе 199 источников с 1995 по 2018 г. [99], изменение макроструктуры сна отмечено и при динамике физиологической беременности. Так, в исследовании 2010 г. не выявлена взаимосвязь между изменениями показателей КТГ и эпизодами апноэ сна, причем единственными изменениями на КТГ являлись вариабельные децелерации плода некоторых участниц [100]. Неоднозначность полученных результатов связана с небольшим объемом исследований (20 беременных с различным ИМТ и гестационным сроком). В то же время в 2007 г. была опубликована работа, в которой показаны исходы родов при беременности с СОАС в виде сниженного балла по шкале Апгар у новорожденных. Однако следует отметить, что в этом исследовании участвовали только 4 женщины с СОАС и 31 – без апноэ сна [101].

Опираясь на данные специальной литературы и собственные результаты, мы пришли к заключе-

нию о существующей ассоциативной связи между гипоксией во время беременности и изменением сердечной деятельности плода на модели СОАС во время беременности. Проведенные исследования позволили констатировать, что эпизоды апноэ / гипопноэ во время ночного сна у беременных со снижением показателей SaO_2 сопровождаются изменениями состояния плода, в частности двигательной активности и сердечной деятельности в виде учащения ЧСС, что свидетельствует о его гипоксемии в данный период.

Полученные данные указывают на то, что плод реагирует на гипоксемию матери во время ночного сна, и можно предположить, что он тоже находится в состоянии гипоксемии. Данное состояние может привести к срыву адаптационных возможностей плода и развитию хронической внутриутробной гипоксии, а также СЗРП, что, в свою очередь, повышает риск перинатальной заболеваемости и смертности и в дальнейшем может увеличивать частоту данных показателей в последующих возрастных периодах.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что определенная настороженность у врачей – акушеров-гинекологов должны вызывать жалобы на храп, остановки дыхания во время сна, заложенность носа, повышенную дневную сонливость, частые (> 3 раз) ночные пробуждения. При предъявлении беременными подобных жалоб целесообразна консультация сомнолога с решением вопроса об активизации нарушений сна.

Требуется ряд методических рекомендаций, в которых должен быть указан факт высокого риска по невынашиванию беременности, развитию преэклампсии, плацентарной недостаточности и дистрессу плода у беременных с ожирением и СОАС. Для своевременной диагностики плацентарной недостаточности и гипоксии плода у беременных с СОАС, особенно при сочетании с ожирением, начиная с 30-й нед. необходимо проводить комплексную оценку состояния плода, включающую доплерометрию маточно-плацентарно-плодового кровообращения, 1 раз в 7 дней, КТГ с 34-й нед. – 1 раз в 5 дней.

В российской акушерско-гинекологической практике практически не уделяют внимания проблеме сна у беременных. В настоящий момент существует необходимость оценки нарушений сна у беременных, в частности нарушения дыхания, с научно-практической целью. Недостаточно четко определена роль нарушений сна в формировании

осложнений беременности, в частности плацентарной недостаточности и, как следствие, СЗРП, внутриутробной гипоксии и гипотрофии плода. Оценка взаимосвязи нарушений дыхания во время сна и осложнений беременности и исходов родов обосновывает целесообразность поиска новых путей профилактики, прежде всего посредством коррекции нарушений дыхания.

Литература

1. Santiago JR, Nolleto MS, Kizler W et al. Sleep and sleep disorders in pregnancy. *Ann Intern Med.* 2001; 134(5): 396–408.
2. Suzuki S, Dennerstein L, Greenwood KM et al. Sleeping patterns during pregnancy in Japanese women. *J Psychosom Obstet Gynaecol.* 1994; 15: 19–26.
3. Bourjeily G, Ankner G, Mohsenin V. Sleep-disordered breathing in pregnancy. *Clin Chest Med.* 2011; 32(1): 175–89. doi: 10.1016/j.ccm.2010.11.003.
4. Pengo MF, Rossi GP, Steier J. Obstructive sleep apnea, gestational hypertension and preeclampsia: a review of the literature. *Curr Opin Pulm Med.* 2014; 20(6): 588–94. doi: 10.1097/MCP.0000000000000097.
5. Нахамчен Л.Г. Функция внешнего дыхания во время беременности у здоровых женщин и с неспецифическими заболеваниями органов дыхания. *Бюл. физ. и пат. дых.* 2001; 8: 64–69.
6. Contreras G, Gutiérrez M, Beroiza T et al. Ventilatory drive and respiratory muscle function in pregnancy. *Am Rev Respir Dis.* 1991; 144(4): 837–41. doi: 10.1164/ajrccm/144.4.837.
7. Wise RA, Polito AJ, Krishnan V. Respiratory physiologic changes in pregnancy. *Immunol. Allergy Clin North Am.* 2006; 26(1): 1–12. doi.org/10.1016/j.iac.2005.10.0043.
8. Bobrowski RA. Pulmonary physiology in pregnancy. *Clin Obstet Gynecol.* 2010; 53(2): 285–300. doi: 10.1097/GRF.0b013e3181e04776.
9. Jensen D, Webb KA, Davies GA, O'Donnell DE. Mechanical ventilatory constraints during incremental cycle exercise in human pregnancy: implications for respiratory sensation. *J Physiol.* 2008; 586(19): 4735–50. doi: 10.1113/jphysiol.2008.158154.
10. Вейн А.М. Особенности структуры сна и личности в условиях хронического эмоционального стресса и методы повышения адаптивных возможностей человека. *Вестн. РАМН.* 2003; 4: 13–17.
11. Мадаева И.М., Петрова В.А., Колесникова Л.И., Шевырталова О.Н. Синдром обструктивного апноэ / гипопноэ сна и перекисное окисление липидов. *Пульмонология.* 2009; 2: 6–69.
12. Madaeva I.M., Berdina O.N. Modern ideas of “slow sleep” and “rem-sleep” and their role in pathogenesis of alzheimer’s disease (review of literature). *Acta Biomedica Scientifica.* 2017; 2(4): 48–52. (In Russ.) doi: 10.12737/article_59fad513a63772.41901536.
13. Ковальзон В.М. Основы сомнологии. Физиология и нейрохимия цикла бодрствование–сон. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012.
14. Anafi RC, Kayser MS, Raizen DM. Exploring phylogeny to find the function of sleep. *Nat Rev Neurosci.* 2019; 20(2): 109–116. doi: 10.1038/s41583-018-0098-9.
15. Donlea JM. Roles for sleep in memory: insights from the fly. *Curr Opin Neurobiol.* 2019; 54: 120–126. doi: 10.1016/j.conb.2018.10.006.
16. Grandner MA, Fernandez FX. The translational neuroscience of sleep: A contextual framework. *Science.* 2021; 374(6567): 568–573. doi: 10.1126/science.abj8188.
17. Вейн А.М. Сон – тайны и парадоксы. М.: Эйдос Медиа, 2003.
18. Левин Я.И., Полуэктов М.Г. (ред.) Сомнология и медицина сна. Избранные лекции. М.: Медфорум, 2013.
19. Сомнология и медицина сна: нац. рук. памяти А.М. Вейна и Я.И. Левина / под ред. М.Г. Полуэктова. М.: Медфорум, 2016.
20. Aserinsky E., Kleitman N. Regularly occurring periods of eye motility, and concomitant phenomena, during sleep. *Science.* 1953; 118: 273–274.
21. Berry RB, Budhiraja R, Gottlieb DJ et al. Rules for scoring respiratory events in sleep: update of the 2007 AASM manual for the scoring of sleep and associated events. Deliberations of the sleep apnea definitions task force of the American academy of sleep medicine. *J Clin Sleep Med.* 2012; 8(05): 597–619. doi: 10.5664/jcsm.2172.
22. Mindell JA, Cook RA, Nikolovski J. Sleep patterns and sleep disturbances across pregnancy. *Sleep Medicine.* 2015; 16(4): 483–488. doi: 10.1016/j.sleep.2014.12.006.
23. Lu Q, Zhang X, Wang Y, Li J et al. Sleep disturbances during pregnancy and adverse maternal and fetal outcomes: a systematic review and meta-analysis. *Sleep Med Rev.* 2021; 58: 101436. doi: 10.1016/j.smrv.2021.101436.
24. Facco FL, Kramer J, Ho KH et al. Sleep disturbances in pregnancy. *Obstet Gynecol.* 2010; 115: 77–83. doi: 10.1097/AOG.0b013e3181c4f8ec.
25. Domingo C, Latorre E, Mirapeix RM, Abad J. Snoring, obstructive sleep apnea syndrome, and pregnancy. *Int J Gynaecol Obstet* 2006; 93: 57–59. doi: 10.1016/j.ijgo.2006.01.004.
26. Sahin FK, Koken G, Cosar E et al. Obstructive sleep apnea in pregnancy and fetal outcome. *Int J Gynaecol. Obstet.* 2008; 100(2): 141–146. doi: 10.1016/j.ijgo.2007.08.012.
27. Izci B, Riha RL, Martin SE et al. The upper airway in pregnancy and pre-eclampsia. *Am J Respir Crit Care Med.* 2003; 167: 137–140. doi: 10.1164/rccm.200206-590OC.
28. Artz M, Young T, Finn L et al. Association of sleep-disordered breathing and the occurrence of stroke. *J Respir Crit Care Med.* 2005; 172: 1447–1451. doi: 10.1164/rccm.200505-702OC.
29. Lee KA, Zaffke ME, Baratte-Beebe KJ. Restless legs syndrome and sleep disturbance during pregnancy: the role of folate and iron. *Health Genet Based Med.* 2001; 10(4): 335–341. doi: 10.1089/152460901750269652.
30. Grover A, Clark-Bilodeau C, D’Ambrosio CM. Restless leg syndrome in pregnancy. *Obstet Med.* 2015; 8(3): 121–125. doi: 10.1177/1753495X15587452.

31. Grover A, Clark-Bilodeau C, D'Ambrosio CM. Restless leg syndrome in pregnancy. *Obstet Med.* 2015; 8(3): 121–125. doi: 10.1177/1753495X15587452.
32. Lee KA, Zaffke ME, McEnany G. Parity and sleep patterns during and after pregnancy. *Obstet Gynecol.* 2000; 95(1): 14–18. doi: 10.1016/s0029-7844(99)00486-x.
33. Mindell JA, Jacobson BJ. Sleep disturbances during pregnancy. *J Obstet Gynecol Neonatal Nurs.* 2000; 29(6): 590–597. doi: 10.1111/j.1552-6909.2000.tb02072.x.
34. Gupta R, Rawat VS. Sleep and sleep disorders in pregnancy. *Handb Clin Neurol.* 2020; 172: 169–186. doi: 10.1016/B978-0-444-64240-0.00010-6.
35. LoMauro A, Aliverti A. Respiratory physiology of pregnancy: Physiology masterclass. *Breathe (Sheff).* 2015; 11(4): 297–301. doi: 10.1183/20734735.008615.
36. Di Renzo GC, Giardina I, Clerici G et al. The role of progesterone in maternal and fetal medicine. *Gynecol Endocrinol.* 2012; 28(11): 925–32. doi: 10.3109/09513590.2012.730576.
37. Izci B, Vennelle M, Liston WA et al. Sleep-disordered breathing and upper airway size in pregnancy and post-partum. *Eur Respir J.* 2006; 27(2): 321–327. doi.org/10.1183/09031936.06.00148204.
38. Лаврова О.В., Петрова М.А., Рябова М.А. и др. Вазомоторный ринит беременных. *Рос. ринол.* 2013; 21(4): 16–20.
39. Antony KM, Jacobson NM, Rice L et al. Obstructive sleep apnea in pregnancy: early lessons from our sleep pregnancy clinic. *WMJ.* 2021; 120(1): 34–40.
40. Ding XX, Wu YL, Xu SJ et al. A systematic review and quantitative assessment of sleep-disordered breathing during pregnancy and perinatal outcomes. *Sleep Breath.* 2014; 18: 703–713. doi: org/10.1007/s11325-014-0946-4.
41. Skatrud JB, Dempsey JA. Interaction of sleep state and chemical stimuli in sustaining rhythmic ventilation. *J Appl Physiol Respir Environ Exerc Physiol.* 1983; 55(3): 813–822. doi: 10.1152/jappl.1983.55.3.813.
42. Rundo JV. Obstructive sleep apnea basics. *Cleve Clin J Med.* 2019; 86(9 Suppl 1): 2–9. doi: 10.3949/ccjm.86.s1.02.
43. Oyiengo D, Louis M, Hott B, Bourjeily G. Sleep disorders in pregnancy. *Clin Chest Med.* 2014.
44. Cronin RS, Li M, Thompson JMD et al. An individual participant data meta-analysis of maternal going-to-sleep position, interactions with fetal vulnerability, and the risk of late stillbirth. *EclinialMedicine.* 2019; 10: 49–57. doi: 10.1016/j.eclinm.2019.03.014.
45. Silver RM, Hunter S, Reddy UM et al. Prospective evaluation of maternal sleep position through 30 weeks of gestation and adverse pregnancy outcomes. *Obstet Gynecol.* 2019; 134(4): 667–676. doi: 10.1097/AOG.0000000000003458.
46. Dunietz GL, Sever O, DeRowe A, Tauman R. Sleep position and breathing in late pregnancy and perinatal outcomes. *J Clin Sleep Med.* 2020; 16(6): 955–959. doi: 10.5664/jcsm.8416.
47. Robertson NT, Turner JM, Kumar S. Pathophysiological changes associated with sleep disordered breathing and supine sleep position in pregnancy. *Sleep Med Rev.* 2019; 46: 1–8. doi: 10.1016/j.smrv.2019.04.006.
48. Louis J, Auckley D, Miladinovic B et al. Perinatal outcomes associated with obstructive sleep apnea in obese pregnant women. *Obstet Gynecol.* 2012; 120(5): 1085–92. doi: 10.1097/AOG.0b013e31826eb9d8.
49. Facco FL, Parker CB, Reddy UM et al. Association between sleep-disordered breathing and hypertensive disorders of pregnancy and gestational diabetes. *Obstet Gynecol.* 2017; 129(1): 31–41. doi: 10.1097/aog.0000000000001805.
50. Chen YH, Kang JH, Lin CC et al. Obstructive sleep apnea and the risk of adverse pregnancy outcomes. *Am J Obstet Gynecol.* 2012; 206(2): 136 e1–5. doi: 10.1016/j.ajog.2011.09.006.
51. Louis JM, Mogos MF, Salemi JL et al. Obstructive sleep apnea and severe maternal-infant morbidity / mortality in the United States, 1998–2009. *Sleep.* 2014; 37(5): 843–849. https://doi: 10.5665/sleep.3644.
52. Bin YS, Cistulli PA, Ford JB. Population-based study of sleep apnea in pregnancy and maternal and infant outcomes. *J Clin Sleep Med.* 2016; 12(6): 871–877. doi: 10.5664/jcsm.5890.
53. Bourjeily G, Raker CA, Chalhoub M, Miller MA. Pregnancy and fetal outcomes of symptoms of sleep-disordered breathing. *Eur Respir J.* 2010; 36(4): 849–855. doi: 10.1183/09031936.00021810.
54. Facco FL, Grobman WA, Kramer J et al. Self-reported short sleep duration and frequent snoring in pregnancy: impact on glucose metabolism. *Am J Obstet Gynecol.* 2010; 203(2): 142 e1–5. doi: S0002-9378(10)00360-1.
55. Reutrakul S, Zaidi N, Wroblewski K et al. Interactions between pregnancy, obstructive sleep apnea, and gestational diabetes mellitus. *J Clin Endocrinol Metab.* 2013; 98(10): 4195–4202. doi: 10.1210/jc.2013-2348.
56. Song Y, Wang L, Zheng D et al. Sleep disturbances before pregnancy and subsequent risk of gestational diabetes mellitus. *Nat Sci Sleep.* 2022; 14: 1165–1174. doi: 10.2147/NSS.S363792.
57. Calaora-Tournadre D, Ragot S, Meurice JC et al. Obstructive sleep apnea syndrom during pregnancy: prevalence of main symptoms and relationship with pregnancy induced-hypertension and intra-uterine growth retardation. *Rev Med Interne.* 2006; 27(4): 291–295. doi: 10.1016/j.revmed.2006.01.015.
58. Di Renzo GC, Giardina I, Clerici G et al. Progesterone in normal and pathological pregnancy. *Horm Mol Biol Clin Investig.* 2016; 27(1): 35–48. doi: 10.1515/hmbci-2016-0038.
59. Van Ryswyk E, Mukherjee S, Chai-Coetzer CL et al. Sleep disorders, including sleep apnea and hypertension. *Am J Hypertens.* 2018; 31(8): 857–864. doi: 10.1093/ajh/hpy082.
60. Champagne K, Schwartzman K, Opatrny L et al. Obstructive sleep apnoea and its association with gestational hypertension. *Eur Respir J.* 2009; 33(3): 559–565. doi: 10.1183/09031936.00122607.

61. Nathan N. Exploring links between pregnancy, hypertension, and sleep apnea. *Anesth Analg*. 2023; 136(2): 204. doi: 10.1213/ANE.0000000000006352.
62. Dominguez JE, Krystal AD, Habib AS. Obstructive sleep apnea in pregnant women: a review of pregnancy outcomes and an approach to management. *Anesth Analg*. 2018; 127(5): 1167–1177. doi: 10.1213/ANE.0000000000003335.
63. Kodali BS, Chandrasekhar S, Bulich LN et al. Airway changes during labor and delivery. *Anesthesiology*. 2008; 108(3): 357–362. doi: 10.1097/ALN.0b013e31816452d3.
64. Chang J, Streitman D. Physiologic adaptations to pregnancy. *Neurol Clin*. 2012; 30(3): 781–789. doi: 10.1016/j.ncl.2012.05.001.
65. Orban N, Maughan E, Bleach N. Pregnancy-induced rhinitis. *Rhinology*. 2013; 51(2): 111–119. doi: 10.4193/Rhino12.045. PMID: 23671891.
66. Facco FL, Parker CB, Reddy UM et al. Association between sleep-disordered breathing and hypertensive disorders of pregnancy and gestational diabetes mellitus. *Obstet Gynecol*. 2017; 129(1): 31–41. doi: 10.1097/AOG.0000000000001805.
67. Guilleminault C, Palombini L, Poyares D et al. Pre-eclampsia and nasal CPAP: part 1. Early intervention with nasal CPAP in pregnant women with risk-factors for pre-eclampsia: preliminary findings. *Sleep Med*. 2007; 9(1): 9–14. doi: 10.1016/j.sleep.2007.04.020.
68. Sanapo L, Goldman D, Bourjeily G. Obstructive sleep apnea in pregnancy: 1 sleep study may not be enough in high-risk women. *J Clin Sleep Med*. 2021; 17(9): 1953–1956. doi: 10.5664/jcsm.9340.
69. Rice AL, Bajaj S, Wiedmer AM et al. Continuous positive airway pressure treatment of obstructive sleep apnea and hypertensive complications in high-risk pregnancy. *Sleep Breath*. 2022; 24: 10.1007/s11325-022-02669-0. doi: 10.1007/s11325-022-02669-0.
70. Nicolaidis KH. A model for a new pyramid of prenatal care based on the 11 to 13 weeks' assessment. *Prenat Diagn*. 2011; 31(1): 3–6. doi: 10.1002/pd.2685. PMID: 21210474.
71. Ковалев В.В. Фетальный мониторинг: крах или прорыв. *Урал. мед. журн*. 2013; 13: 5–8.
72. Акушерство: национальное руководство / под ред. Г.М. Савельевой, Г.Т. Сухих, В.Н. Серова, В.Е. Радзинского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гэотар-Медиа, 2015.
73. Vesoulis ZA, Mintzer JP, Chock VY. Neonatal NIRS monitoring: recommendations for data capture and review of analytics. *J Perinatol*. 2021; 41(4): 675–688. doi: 10.1038/s41372-021-00946-6.
74. Ko Hyun Sun, Shin Jongchul, Kim Moon Young et al. Sleep disturbances in Korean pregnant and postpartum women. *J Psychosom Obstet Gynecol*. 2012; 33(2): 85–90. doi: 10.3109/0167482X.2012.658465.
75. Mindell J, Cook Rae A, Nikolovski J. Sleep patterns and sleep disturbances across pregnancy. *Sleep Med*. 2015; 16(4): 483–488. doi: 10.1016/j.sleep.2014.12.006.
76. Li Y, Zhang J, Lei F et al. Self-evaluated and close relativevaluated Epworth Sleepiness Scale vs. multiple sleep latency test in patients with obstructive sleep apnea. *J Clin Sleep Med*. 2014; 10(2): 171–176. doi: 10.5664/jcsm.3446.
77. Patel S, Kon SSC, Nolan CM et al. The Epworth Sleepiness Scale: minimum clinically important difference in obstructive sleep apnea. *Am J Respir Crit Care Med*. 2018. doi: org/10.1164/rccm.201704-0672LE.
78. Fernández AMA, Chedraui P, Pérez-López FR. Assessment of obstructive sleep apnea-hypopnea syndrome risk at the end of pregnancy using the Berlin Questionnaire. *Gynecol Endocrinol*. 2015; 31(9): 715–719. doi: org/10.3109/09513590.2015.1034099.
79. Carnelio S, Morton A, McIntyre HD. Sleep disordered breathing in pregnancy: the maternal and fetal implications. *J Obstet Gynaecol*. 2017; 37(2): 170–178. doi: 10.1080/01443615.2016.1229273.
80. Netzer NC, Stoohs RA, Netzer CM et al. Using the Berlin questionnaire to identify patients at risk for the sleep apnea syndrome. *Ann Intern Med* 1999; 131: 485–91. doi: 10.7326/0003-4819-131-7-199910050-00002.
81. Izci-Balserak B, Keenan BT, Corbitt C et al. Changes in sleep characteristics and breathing parameters during sleep in early and late pregnancy. *J Clin Sleep Med*. 2018; 14(7): 1161–1168. doi: 10.5664/jcsm.7216.
82. Hawkins M, Marcus B, Pekow P et al. Physical activity and sleep quality and duration during pregnancy among hispanic women: Estudio PARTO. *Behav Sleep Med*. 2018. doi: 10.1080/15402002.2018.1518225.
83. Suri JC, Arora R, Gupta M, Adhikari T. The impact of sleep-disordered breathing on severity of pregnancy-induced hypertension and feto-maternal outcomes. *J Obst Gynecol India*. 2018. doi: 10.1007/s13224-018-1134-4.
84. Pien GW, Pack AI, Jackson N et al. Risk factors for sleep-disordered breathing in pregnancy. *Thorax*. 2014; 69(4): 371–377. doi: 10.1136/thoraxjnl-2012-202718.
85. Izci Balserak B, Jackson N, Ratcliffe SA et al. Sleep-disordered breathing and daytime napping are associated with maternal hyperglycemia. *Sleep Breath*. 2013; 17(3): 1093–1102. doi: 10.1007/s11325-013-0809-4.
86. Caparroz FA, Gregorio LL, Bongiovanni G et al. Rhinitis and pregnancy: literature review. *Braz J Otorhinolaryngol*. 2016; 82(1): 105–111. doi: 10.1016/j.bjorl.2015.04.011.
87. Мадаева И.М., Колесникова Л.И., Протопопова Н.В. и др. Особенности паттерна сна при беременности. *Вестн. РАМН*. 2014; 1–2: 93–97. doi: org/10.15690/vramn.v69.i1-2.949.
88. Анестезия, интенсивная терапия и реанимация в акушерстве и гинекологии. Клинические рекомендации. Протоколы лечения / под ред. А.В. Куликова, Е.М. Шифмана. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Буки Веди, 2019.
89. Reid J, Taylor-Gjevre R, Gjevre J et al. Can gestational hypertension be modified by treating nocturnal airflow limitation? *J Clin Sleep Med* 2013; 9: 311–317. doi: 10.5664/jcsm.2574.

90. Sanapo L, Goldman D, Bourjeily G. Obstructive sleep apnea in pregnancy: 1 sleep study may not be enough in high-risk women. *J Clin Sleep Med*. 2021; 17(9): 1953–1956.
91. Мадаева И.М., Протопопова Н.В., Сахьянова Н.Л. и др. Синдром обструктивного апноэ сна, беременность и состояние плода. *Журн. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски*. 2021; 121(4–2): 103–109. doi: 10.17116/jnevro2021121402103.
92. Lawati N, Patel S, Ayas N. Epidemiology, risk factors, and consequences of obstructive sleep apnea and short sleep duration. *Prog Cardiovasc Dis* 2009; 51: 285–293; doi: 10.1016/j.pcad.2008.08.001.
93. Sahota PK, Jain SS, Dhand R. Sleep disorders in pregnancy. *Curr Opin Pulm Med* 2003; 9: 477–483. doi: 10.1097/00063198-200311000-00005.
94. Колесникова Л.И., Мадаева И.М., Протопопова Н.В. Сон и беременность. *Журн. акуш. и жен. болезн.* 2012; 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/son-i-beremennost-1>.
95. Bourjeily G. Sleep disorders in pregnancy. *Obstet Med*. 2009; 2(3): 100–106. doi: 10.1258/om.2009.090015.
96. Habr F, Raker C, Lin CL et al. Predictors of gastroesophageal reflux symptoms in pregnant women screened for sleep disordered breathing: a secondary analysis. *Clin Res Hepatol Gastroenterol* 2013; 37(1): 93–99. doi: 10.1016/j.clinre.2012.03.036.
97. Pien GW, Pack AI, Jackson N et al. Risk factors for sleep-disordered breathing in pregnancy. *Thorax*. 2014; 69(4): 371–377. doi: 10.1136/thoraxjnl-2012-202718.
98. Izci-Balserak B, Keenan BT, Corbitt C et al. Changes in sleep characteristics and breathing parameters during sleep in early and late pregnancy. *J Clin Sleep Med* 2018; 14(07): 1161–1168. doi: 10.5664/jcsm.7216.
99. Garbazza C, Hackethal S, Riccardi SS et al. Polysomnographic features of pregnancy: a systematic review. *Sleep Med Rev*. 2019. doi: 10.1016/j.smrv.2019.101249.
100. Olivarez SA, Maheshwari B, McCarthy M et al. Prospective trial on obstructive sleep apnea in pregnancy and fetal heart rate monitoring. *Am J Obstet Gynecol* 2010; 202: 552.e1–7. doi: 10.1016/j.ajog.2009.12.008.
101. Sahin FK, Koken G, Cosar E et al. Obstructive sleep apnea in pregnancy and fetal outcome. *Int J Gynecol Obstet*. 2007; 100(2): 141–146. doi: 10.1016/j.ijgo.2007.08.01.

Информация об авторах

Мадаева Ирина Михайловна — д. м. н., врач-сомнолог; главный научный сотрудник, зав. лабораторией сомнологии и нейрофизиологии, руководитель Иркутского сомнологического центра ФГБНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека»; тел.: (914) 881-41-01; e-mail: nightchild@mail.ru (ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-3423-7260>)

Протопопова Наталья Владимировна — д. м. н., профессор, главный внештатный специалист по акушерству и гинекологии Иркутской обл., зав. лабораторией вспомогательных репродуктивных технологий и перинатальной медицины ФГБНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека»; тел.: (395) 220-76-36; e-mail: iphr@sbamsr.irk.ru

Бердина Ольга Николаевна — к. м. н., ведущий научный сотрудник лаборатории сомнологии и нейрофизиологии ФГБНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека»; тел.: (914) 917-24-12; e-mail: goodnight_84@mail.ru (ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-0930-6543>)

Колесникова Любовь Ильинична — д. м. н., профессор, академик РАН; научный руководитель ФГБНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека»; тел.: (395) 220-76-36; e-mail: iphr@sbamsr.irk.ru (ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-3354-2992>)